

ДИКИ ВЕЛИКИХ

ЕЛЕНА МИЩЕНКО
АЛЕКСАНДР ШТЕЙНБЕРГ

**ЕВРЕЙ ИЗ ВИТЕБСКА —
ГОРДОСТЬ ФРАНЦИИ
МАРК ШАГАЛ**

Серия «Лики великих» — это сложные и увлекательные биографии крупных деятелей искусства — эмигрантов и выходцев из эмигрантских семей. Это рассказ о людях, которые, несмотря на трудности эмигрантской жизни, достигли вершин в своей творческой деятельности и вписали свои имена в историю мирового искусства.

Марк Шагал (1887 — 1985) — выдающийся художник большую часть жизни провел во Франции, но меняя города и страны — работая в Литве, Германии, России, Америке — он всегда оставался верен городу своего детства — Витебску — и еврейские мотивы были главными в его творчестве.

Иллюстрации Александра Штейнберга.

Елена Мищенко Александр Штейнберг

ЕВРЕИ ИЗ ВИТЕБСКА — ГОРДОСТЬ ФРАНЦИИ *Марк Шагал (Marc Chagall)*

Мы спускаемся по широкой лестнице Филадельфийского музея искусств. Мы все еще находимся под впечатлением от экспозиции. В нашей памяти великолепные картины в роскошных рамах. И вдруг... останавливаемся перед грубым негрунтованным холстом гигантских размеров во всю стену огромного двухсветного вестибюля. Что-то очень знакомое изображено на этом

полотне: речка, камыши, лодочка, солнце над горизонтом — не то Ходоров на Днепре, не то Тараща на Руси. Мы останавливаемся в недоумении. Наконец, удается найти маленькую табличку с надписью: «Марк Шагал. Занавес к опере «Алеко»».

Музей выставил в своей экспозиции этот занавес, несмотря на его весьма условную живопись (что свойственно всем декоративным занавесам) и гигантские размеры, потому что это произведение великого художника.

Марк Шагал писал картины, лепил скульптуры, делал витражи и декорации. Палитра его творческой деятельности была необъятна. Он сочинял великолепные стихи, не считая себя поэтом, писал замечательную прозу, не считая себя писателем, он был философом и публицистом, теоретиком искусств.

В нем сочетались совсем, казалось бы, несочетаемые вещи. По широте взглядов он был настоящим космополитом — человеком вселенной, и тем не менее тематика его живописи замыкалась на старом Витебске начала века, и он редко выходил за пределы этой тематики. Его взгляды на религию и нации тоже были достаточно широки, однако он чувствовал себя евреем до мозга костей.

«Есть люди, полагающие, что я более скромн, чем следует, и поэтому не смею себя считать французским художником. Бессонными ночами я думаю иногда, что, может быть, я все-таки создал несколько картин, дающих мне право называться «еврейским художником».

Как бы то ни было — еврей я всегда. Я уже, кажется, не раз говорил и даже писал, что, не будь я евреем, я не был бы художником».

Так написал о себе Марк Шагал в редакцию «Идише култур».

Художник необычайно широкого таланта, он был загадкой для искусствоведов. Там, где появляются статьи о Шагале в солидных монографиях, начинается путаница в оценках: то он реалист, то сюрреалист, то даже абстракционист.

Только глубоко изучив творчество великого Мастера, начинаешь понимать, что Шагал — это и есть стиль, огромное самостоятельное явление в искусстве. И в композиции, и в цвете он позволял себе многое такое, что не было доступно ни одному из художников. На чисто реалистической картине мы видим главного персонажа с оторванной головой, перевернутого вверх ногами, коровы и

козы у него летают, в небе расцветают букеты цветов. Сочетания цветов — невероятные: фиолетовый рядом с ярко-зеленым, коричневый с голубым. И красиво, и выразительно, хотя и противоречит всем законам живописи. Но Шагал не изучал законов, он сам их устанавливал.

Откуда же появился этот потрясающий талант? Из Витебска. Да, небольшой белорусский город подарил миру великолепного Малевича — идеолога супрематизма и гениального Шагала.

«Мать была старшей дочерью в семье. Отец ее — мой дед — половину жизни провел на печи, четверть жизни — в синагоге, а что осталось — на войне.

Стол субботы... Чистые руки отца, его белая праздничная рубашка умиротворяют меня. Отец был добрым. Потом подавали на стол. Ох, как же я любил поесть! Фаршированная рыба, кисло-сладкое мясо с морковью, лапша, холодец из телячьих ножек, суп, компот, белая хала.

Мать копошится у печки, напевая какой-то синагогальный мотив, мы подпеваем. Тут я вспоминаю про дедушку-кантора, про

мельничку, вертящуюся в моем сердце, и начинаю вздыхать. Слезы льются из глаз. Мама, тоже вся в слезах, допекает мелодию с трудом, навзрыд, уже растягивая слова. Свечи в комнате догорают, свечи на небе бледнеют».

Это начало шагаловской книги «Моя жизнь». Дед — кантор, отец — грузчик, тети: Муся, Хая, Гуча, дядя Ноех, игравший на скрипке, мать у печи, еврейское местечко в черте оседлости — все эти образы сохранились у него на всю жизнь.

Он любил своих родственников-евреев, он был влюблен в свой родной Витебск и сохранил эту любовь на всю жизнь.

15 февраля 1944 года в нью-йоркском еженедельнике «Эйникайт» он публикует письмо — стихотворение в прозе — «К моему родному городу Витебску»:

*«Как давно мой город любимый,
не видел тебя, не слышал, не беседовал
с облаками твоими, не опирался о
заборы твои.*

*Подобный грустному вечному
страннику — дыханье твое я
переносил с одного полотна на другое,*

все эти годы я обращался к тебе, ты мне мерещился во сне.

Мой дорогой, почему ты не сказал мне с болью — тогда, много лет назад: «Ты зачем покидаешь меня?»

Этот юноша, думал ты, ищет чего-то. Он ищет только изящества красок, что сыпятся звездами с неба, оседая на кровлях светло и прозрачно, как снег. Где он там найдет эти краски, откуда им взяться?

Почему бы не поискать ему здесь, среди нас, в этом городе, в этой стране. где он рожден?

На твоей земле, моя родина, душа моя, я оставил ту гору, в которой лежат мои умершие родители — камни осыпаются там и шуришат.

Почему я ушел от тебя? Мое сердце с тобою, с обновленным миром твоим, светозарным примером в истории».

Эта любовь к городу была лишь частицей любви к своему народу, родственникам, друзьям и знакомым, старым и молодым евреям. И появившиеся впоследствии реальные и нереальные сюжеты его картин имели под собою реальную